
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ – НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ильин В. В.*

Фронтальное социотехническое наступление на действительность явилось провозвестником поворотного момента истории:

– человек становится средоточием предметного мира; трансформируется статус homo pro se: облачение в тогу существа – источника собственности и творчества превращает его в маленького бога в ближайшем мире, обходящего микрокосм по персональной воле и личному подвигу. Человек-служитель-истолкователь природы (homo naturae minister et interpret) обретает черты человека-мастера (homo artifex), человека-творца (homo creator) – хозяина, господина, владельца, распорядителя мирового целого;

– упраздняется привычное сущее – наличное «вообще бытие», упрощается человекоразмерное сущее – «бытие для нас», определяемое не объективным природным, а субъективным – проективным законом.

Ключевые слова: *потребное значимое, культивация сущего, выпуск креативных антропных ландшафтов.*

The frontal sociotechnical attack on reality was the harbinger of a turning point in history:

– a human becomes the focus of the objective world; the status of homo pro se is transformed: dressed in a toga of being the source of ownership and creativity transforms him/her into a small God in the near universe, cultivating the microcosm according to personal will and personal achievement. Man, the servant and interpreter of nature (homo naturae minister et interpret) takes the human features of Man, the toolmaker (homo artifex), Man, the creator (homo creator) – the owner; master; Keeper, steward of the whole world;

– the habitual being – the existence of being in general – is abolished, there has been a strengthening of man-sized being – ‘being for us’, defined not by the objective natural but subjective projective law.

Keywords: *necessary valuable, cultivation of being, issue of creative anthropogenic landscapes.*

XX век вошел в историю как время культов личностей (Ленин, Сталин, Мао, Ким(ы), Фидель и т. д.) и безличностей (электрификация, химизация, компьютеризация и т. д.). XXI век утверждается в истории как время культа технонауки – культа рукотворящего технологического сочинительства, изощренного постава, культа инструментального разума (ИР).

Вселенная в нашем космическом локале с данного периода эволюционирует в сторону, намечаемую, предугадываемую нами. Целью истории, общественной

---

* Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор, советник президента НИЦ «Курчатовский институт». E-mail: vvilin@yandex.ru.

жизни объявляется полнота человеческого прогресса; сам же последний (движение к самореализации) зиждется на перепрофилировании назначения сущего, трактуемого как «бытие-для-другого», – реальность в модусе «изготовленного продукта».

Коренным образом меняется компетентностное амплуа разума: из средства постижения «порядка вещей» он становится средством обслуживания – удовлетворения проектов, планов, программ выпуска благ – превосходных вещей всех видов.

Утилитаризм, практицизм, эффективизм, техницизм оказываются рычагами полагания среды обитания – оперативными орудиями самозаявления «работающего общества» (К. Маркс), вне опыта которых нет никакого автономного существования.

Сказанное очерчивает парадигму антропного самовозвышения, оправдывающую поднятие человека выше человеческого.

Человекобожество – богочеловечество... Вне и помимо спекулятивных обременений (человекобожество – Ф. Ницше; богочеловечество – Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Франк) с доктринальных позиций оцениваемая диада не выступает конгломератом противопоставительным. Скажем больше: в прочтении позитивном она вовсе не диада, а выразительный хиазм, несущий единую идею родового призвания по части ответственного обихожения реальности, облигатного миротворения.

Стандартная для философской антропологии тема деятельностного титанизма версифицируется трактовкой человека как существа:

– имперфектного: человек – незавершаемый имперфект; как таковой – активист, сосредоточенный на саморазвитии, самосовершенствовании, высказывании обо всем «нового слова». Перефразируя И. В. Гете, уместно подчеркнуть: человек, чувствуя себя завершённым, молчит;

– трансцендирующего: человек прирастает потенциалом самопревозможения, перекрытия собственных заранее не установленных масштабов;

– свободного: человек обречен на свободу (Ж.-П. Сартр), хочет того, чего нет (непринужденно); посредством волеактивности претворяет чаемое, переводит возможное в действительное.

Три в одном означает: предметная, вещная среда в антропном контексте, если апеллировать к Л. Фейербаху, является желательной не потому, что она есть, наоборот, она есть потому, что является желательной. Отсюда уяснение: с определенного момента бытие включает человеческие смыслы. В творении действительности они онтологизируются, обретают субстанциальные очертания.

Оформление сущего (в традиционной метафизической транскрипции) идет не по основанию (Я. Бёме), воле (А. Шопенгауэр), бессознательному (Э. Гартман), жизненному порыву (А. Бергсон), а по деятельности. «Характерный признак человека, – отмечает Э. Кассирер, – основная черта, отличающая его от всех живых существ, – это не его метафизическая, не его психическая натура, а... труд... система деятельностей» [Cassirer 1960: 89]. Ничто не сделано, пока еще есть что-то несделанное! Человеческое оформление сущего, очеловечение бытия идет по «пламени труда» (К. Маркс) за счет внедрения знания в язык реальности. Торже-

ствующий дух Прометея материализуется полномочным представителем ИР – техногнозисом.

Мир не удовлетворяет человека; своим преобразовательным действием он изменяет его: «было» превращается в «стало». С рефлексивной точки зрения ситуация осмысливается оценкой техногнозисных трансформаций наличного в потребное, сущего в чаемое, действительного в возможное. В универсальном прочтении – предмет анализа покрывается чередой фазовых переходов «уже-сущего» (начальные элементы альтернатив) в «еще-не-сущее» (последующие их [альтернатив] элементы) с итоговым уяснением: как вследствие человеческой неумности (субъективная инициация, инспирация) сущее (естественное) обретает свойства насущного (искусственного).

Перед нами традиционная онтологическая сюжетика моделирования генеалогии, морфологии бытия; классический жанровый канон версифицируется тройко.

1. Участием «формы». Божественное творение «всего» из «ничего». Вариации: а) теоморфизм – библейские перипетии Саваофа – вседержителя, «владыки сил»; в) пантеизм – Всевышний – всеохватная универсальная производящая субстанция, верховная действующая причина природных вещей. В представлении И. Эриугены: «Богу со-вечно и со-сущностно его созидание... Для него нет различия между его бытием и его деланием... Когда мы слышим, что бог все создал, мы должны понимать под этим не что иное, как то, что бог есть во всем, то есть что он существует как сущность всех вещей» [Антология... 1969: 791–792].

2. Участием «формы» и «материи» – гилеморфизм. Оформление сущего изображается последовательным обретением материей (*hulē*) того, чего в ней не было (лишенность – *sterēsis*), – формы (*morphē*), легализующей «самобытность» (то, что делает вещь тем, что она есть).

3. Участием «материи». Объективный субстанциализм: конституирование сущего проводится наделением безличного начала – материи – имманентной способностью закономерного прогрессивного самоизменения. (Рассмотрение материи как единственной основы превращения возможности в действительность – оправданная претензия глобального эволюционизма, креационистскую критику которого предлагает К. Трмонтан.)

Специфический вклад современности в ординарные морфогенетические философские разыскания – акцент человеческого действия, его универсализация: не отрешенные абсолюты, а созидательное усилие возводится в ранг творящего начала; действительность объявляется порождением деятельности (ср. родственность немецких вокабул *wirken* – действовать; *wirklichkeit* – действительность); вещьность – материализацией человечности.

... Деятельность – начало и завершение бытия вещей...

Начальная точка деятельности как целенаправленного напряжения сил – «цель» – обслуживает:

– гносеологически – возведение сущего в мысль;
– социологически – потребность – «идеальный внутренне побуждающий мотив деятельности, ее предпосылка».

Завершающая точка – объективация, материализация, субстантивация, реификация – обмирщение цели.

Очевидно, деятельность заполняет пространство известного цикла «распределение – опредмечивание», где первое – мыслетворчество, рациональная реконструкция, имитационное экспериментирование, моделирование; второе – практическая конструкция, созидание реалий. Деятельность в начальной точке – миропонимание; деятельность в завершающей точке – мироустройство.

В доиндустриальную эпоху – топологически – данные точки разделены. В индустриальную и постиндустриальную эпохи они соединены, пребывают единым механизмом выстраивания техно-социо-антропомерных ландшафтов.

Деятельность заявляет и проявляет себя так, как будто вещь, о которой идет речь, реальна, и она в конце концов неизбежно вступает в такую связь с жизнью, что становится реальной.

Сбываются упования техноморфизма: Бог находит себя самого в человеке. Находит под формой не отрешенного самосознания (от И. Эриугены до Г. В. Ф. Гегеля), не богосочинительства (богоискательства), но особой «религии без бога», сакрализующей труд, технику, творчество (в социально-политической транскрипции возвеличивающей то марксизм как «высшую форму религии» и социализм как религию активизма, опыта, коллективизма, то прагматизм и инструментализм как линию замены «объектов» «созданиями»).

Concordia discors (марксизм – прагматизм) – не плод неряшливой синтетики, но указание на близость идеологий, принадлежащих, как ни странно, единому порядку мысли: мысли, оправдывающей преодоление противоречия «идеал-реальность» укрупнением диаметра «Я» (зависящего от социальной активности) прямой интервенцией в природу (расцениваемой как «сырье»), влекущей подмену объектов (не «данными опыта», как в пресловутом эмпириокритицизме, неореализме), но созданиями, творениями, произведениями «данного», способами фабрикации вещного окружения. Прагматизм-инструментализм востребует «реконструкции» в философии; марксизм-ленинизм нацеливает на развертывание «новой» философии. И одна, и другая деятельностная вариация самосознания заявляет небывалый характер техноморфного оптимизма, предписывающего «всю жизнь пересоздать мечтой».

Назначение будирующей формы практически-духовного освоения мира – пропаганда самоутверждения и самопобуждения, – идейное программирование инициативы, избавляющей от рискованных, враждебных человеку проявлений реальности. Пребывание в сущем не безмятежно, – преодоление фундаментальной вселенской неустроенности, шаткости (едва не трагедийности) усматривается в совмещении (в противовес кантианству) «есть» и «должно», достигаемом в деятельности.

В прагматистской интерпретации деятельности утрируются предприимчивость, упорство в решении человеческих проблем на базе устойчивых верований, эффективизирующих «способы делания» существующего, «достижения блага», избегания зла, уменьшения страха.

В марксистской интерпретации деятельности утрируется элемент сознательности: при фазовом социально-политическом переходе к социализму стихийность объективных законов упраздняется планомерностью целереализации; чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль людей; с этого момента человечество начинает вполне сознательно самостоятельно

творить собственную историю. Планомерность, пропорциональность, продуманность искореняют влияние непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, чем и обеспечивают точное соответствие результатов установленным целям, а с этим – «полное благосостояние, свободное всестороннее развитие всех членов общества» [Ленин 1969: 232].

Гарантом безмятежного перспективного прогресса, гармонического сосуществования человека и мира в прагматизме объявляется «солидарность действия целого»; в марксизме – «массовость действия», основывающегося в первом случае на вере в разум (равно как благочестие, набожность); во втором – на вере в справедливость доктрины «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

Поскольку предмет нашего анализа – креативное ядро техноморфных претензий ИР, в порядке оценки охарактеризованных весьма туманных, причудливо-мечтательных видений грядущего наиболее кратко зафиксируем следующее.

1. Оба вида философии активизма верно схватывают преимущественную тенденцию универсализации человеческой практико-преобразующей деятельности. Наряду и параллельно с ними подобными занятиями обременялся космизм, подчеркивавший становление нового типа антропо-техно-социо-натурной реальности. Проблема заключается в том, что ни марксизм, ни прагматизм (ни в последующем космизм) не обозначают конкретного механизма, усилиями коего упрочается нетрадиционный человекоразмерный мировой порядок. Апелляция к «действию», «деятельности», «опыту», «практической силе» сама по себе ввиду содержательной неконкретности на роль экспликации подобного механизма претендовать не способна.

2. Концептуально не проработано, в связи с чем человеческая активность, утрачивая стихийность, обретает полномочия агента упорядочения. Как отмечалось, деятельность как таковая (тем более широкоформатная) обременена неискоренимым «проклятием» плодить хаос.

Опыт архаичных – максимально нединамичных, аморфных, бездеятельных сообществ, живущих по традиции, завету предков, демонстрирует роковую неконкурентоспособность в контексте глобального выживания. Активность – инновационность, но и рисковость; пассивность – консервативность, но и такая же рисковость... Желанный баланс инициативы и охранения в жизни пока не найден.

3. Вызывает сомнение апелляция к «массовости». Мораль, выводимая из многотрудного мирового налаживания сферы управления, отменяет подвергшиеся обозрению конструкции. Руководство социальной деятельностью в сложноорганизованном иерархизированном обществе – дело не массовое, профессиональное. Одновременно обособление управления в качестве особого рода специальных занятий чревато перерождением правящей элиты со склонностью к бюрократизму, коррупции, монополии на директивы с непререкаемыми одиозными спутниками, какими являются дирижизм, декретирование, олигархизация, конфронтация с народом.

Противоядие против данных неприглядных явлений – не массовость, а работоспособность институтов, демократический контроль власти, предусматривающий предотвращение этатизма, авторитаризма, функционерной тирании:

– социологически: посредством общедоступности, ротируемости, правообеспеченности;

– технологически: посредством персональной ответственности, обозримости (мелиоризм), ресурсооправданности;

– политически: посредством критикуемости, прозрачности, легитимности.

Что касается практической реализации, то наш оценочный вердикт однозначен: метафизическая платформа техноморфизма-техногнозиса не воплотилась в технополитику; далее мировоззренческих апологий-утрирований человеческой устремленной стати ни прагматизм, ни марксизм не пошли. Между тем апология способности действовать – вовсе не действенная способность.

Судьбу своих идейных предтеч разделили довольно шумные несистемные культурные движения XX столетия – конструктивизм, футуризм, супрематизм, кинетизм, кубофутуризм, ответвления конкретного, аналитического искусства, представляющие – при желании квалифицировать их одним словом – репрезентацию абстракции без ее дееспособного воплощения.

Прославление техницизма, урбанизма, функционализма, фактурности, технологичности ограничилось довольно узким плацдармом приложений на экспериментальных площадках архитектуры (братья Веснины, М. Гинзбург, И. Леонидов); изобразительного искусства (В. Татлин, А. Родченко, Э. Лисицкий); призывной, мобилизующей поэзии (А. Гмырев, Ф. Шкулев).

Пафосные, возвышенные слова (возьмем лишь А. Гастева):

Мы согреем, мы осветим, мы сождем всю жизнь весной,
Мы прокатимся, промчимся по земле шальной волной,
Мы ударим!
Приударим!..

или:

Ты укрась машины свежими цветами,
Лаской, нежной грезой отумань, обвей,
Смелыми оденься, облачись мечтами!
Алые знамена на станках развей.

– вдохновляли, воодушевляли, но не венчались творческим созданием новой жизни.

Выполняя функции самосознания эпохи, традиционная философия совершенно справедливо акцентировала роль деятельностного фактора (под разными видами), заключающего в себе способность производить преобразования. В то же время трактовка его (фактора) в терминах устремительного действенного могущества, состояния активного влияния, не отличаясь эвристичностью, обращившись абстрактной апологией вселенского антропного призвания: волею судеб человек назначен на роль *persona dramatis*.

Сакраментализация человека как космической стихии, соразмерной великой природе, никак не находила операционального наполнения: пребывая сонмом отрешенных взглядов, пропагандирующих самоутверждение, традиционная философия не указывала механизма заметного проявления человеком своих выдающихся продуктивных возможностей. Традиционная философия выступала заинтересованным агитатором свободной субъективности, обслуживающей собственное саморазвитие; она выступала формой концептологии, отстраняющейся от тематизации выпуска вещей, производства потребного сущего.

Фронтальное переакцентирование профессиональных забот философии, отмечалось, проводили прагматизм и марксизм, поднимавшие на щит в одном случае «действие», «опыт», в другом – «революционное действие», «труд». Опять же, отказываясь от оценки ранее оцененных взглядов, укажем лишь на их обреченную содержательную неконкретность. Суть в следующем.

С человеком всегда, везде, во всем правильно связывать тот или иной тип деятельности: человек – носитель энергетики, неважно, какой, – духовной, практически-духовной, практической; ввиду деятельной стати человек – источник средового возбуждения; поэтому главное – определить и доопределить, каким именно образом в ходе задействия того или иного индуцирующего начала налаживается ток бытия, складываются морфогенетические акты.

Ни в прагматизме, ни в марксизме востребуемого не обнаруживается, что и оправдывает их зачисление в корпус классической философской концептологии.

Серьезный прорыв в философском самосознании отмечается обнаружением истинного смысла общеисторического творчества, достигнутого усилиями философии техники и релевантной критики философии марксизма, паушальный вклад которых в адекватную философию действия состоял в прозрениях:

– основная, непосредственная, решающая производительная сила – сила технизированного знания (не «пролетариата», как близоруко обосновывал марксизм, а позднее – ленинизм);

– основная, решающая организующая сила жизненного процесса – сила профессионального (никак не массового – на базе непредумышленных вкладов дальнорукых «кухарок») управления, обиходящего мироустройство по лекалам техно-, социоморфизма.

Апология научно-технического органа (в широком понимании) как тактики и стратегии жизнеобеспечения – необходимая предпосылка философского обновления. Достаточная предпосылка его сложилась позже, когда рефлектирующее изменения в строе жизни чуткое самосознание обнаружило, наконец, земное ядро туманных представлений в лице самодействующего технонаучного комплекса, отправляющего продуктивные предметоопределяющие, предметооформительные функции.

Исполнив содержательную вариацию неисполнимой ранее темы, философия преобразилась, – порвав с прошлым, стала философией не в себе сущего (эссенция – экзистенция), а человекообразного сущего – сущего проективного, конструктивного, креативного.

Обновление философии означало ее творческое перерождение: из концептологии она трансформировалась в креатологию, озаботилась апологией не абстрактного, а конкретного – технонаучно опосредуемого ИР.

Относительно рационально выстраиваемая концептология действия *Antiqua mater* содержательно худосочна. Заслуживают упоминания (вне прямолинейных теистических допущений «внешней целесообразности»):

– платоновская эйдология: модель *mundus archetypus* – идеальных прообразов-праформ вещей, обуславливающих их реальность «претворением». Взаимодействие сверхприродного (бытия) и природного (инобытия) тематизируется в языке «образец – подобие»;

– аристотелевский гилеморфизм: различие «первой» и «конкретной» сущности дополняется уточнением: форма – эйдос, энергия, энтелехия; материя – субстрат, вещество. Вещественность – чистая возможность – превращается в действительность становлением (актуализацией).

Важный нам *punctum saliens* одного и другого: реальное происходит из потенциального под действием символически (высшего) целевого, – платоновский ум-демиург, мировая душа; аристотелевский нус, созерцающие подлинное – благое.

Опора жизненной, как организм, культуры, – *Homo innovaticus*, производящий идеи из спонтанной способности воображения. Если подходить формально, качество идей может быть всяким: продуктивным – непродуктивным, положительным – отрицательным.

ИР не способен проводить дифференцирование идей, осуществлять селекцию, – он получает задания и некритически их выполняет. Идеология и опыт техно-, социоморфизма основываются на тотальной дегуманизации – выхолащивающей человеческое рационализации. Отсюда умножение абстрактного знания – умножение зла.

Попытку поставить заслон на пути бездушного самозаявления разума принял И. Кант, в главной своей работе «Критика чистого разума» проведший дискредитацию духовной способности внепредметно творчески мыслить, производить умопостигаемое. Гносеологическая база целого отсека познания подверглась разрушению: *Homo innovaticus* предвзято приравнялся к *Homo hereticus*, подвизающемуся на выпуске несуразного: концептуально пустых мыслей, социально пустопорожных затей.

Капитальный изъян разумодеятельности – беспредметное искушающее сочинительство – невыверенная генерация нелепых представлений, безосновных и соблазняющих.

Борясь со спекуляцией, необязательными порождениями интеллекта, Кант отказывает в правомерности любому отрывающемуся от реальности виду сочинительства, в первую очередь мечте. Кантовская гносеология – ничем не оправданный пуризм в отношении:

- источника познавательного нового – продуктивного воображения;
- результата мыслетворчества – умозрительных идей.

Теория познания Канта по причине сказанного неполна: ограниченная тематизацией экстенсивного расширения известного на большее число случаев, она не содержит трактовки интенсивного роста знания – техники внутреннего самопрогресса науки.

Исходя из того, что идеи не имеют прямого предметного наполнения (объектно-объективной значимости), они низводятся до упорядочивающего правила организации, – по директивам *als ob* привносящего «систематическое единство» в эмпирическое применение разума.

Гносеологическая девальвация иницирующего статуса идей оправдывает далеко идущее противопоставление конститутивного – предметно наполненного, переводимого в остенсив показывающего понятия, регулятивному – предметно опустошенному направляющему понятию, относящемуся не к миру, а к способу его постижения.

На деле, как вытекает из сказанного, разрыв конститутивного – регулятивного мнимый; одно с другим связано капитальной стратегией исполнения сущего по принципам универсального конструктивизма (УК). Покажем это.

Идеепроизводство – мышление посредством понятий – концепционное моделирование реалий безотносительно чувственно воспринимаемому. Такую тактику генерации представлений И. Кант отвергает как содержательно беспредметную, гносеологически несостоятельную. Но именно на подобной тактике разворачиваются фундаментальные теории: классическая и тем более неклассическая механика, неевклидовы геометрии и т. д., получаемые как мысленные эксперименты «что будет в предположении...» [Ильин 2019].

В общем случае модельная фаза УК разрабатывает проект-программу возможного сущего. Макет возможного, расцененный под углом зрения обмирщения, получает статус будирующей мечты – своеобразного волевозбудителя преобразовательного действия. Отрешенная идея из фактора потенциального становится фактором реального – фактором мобилизации, стимуляции перевода возможного в действительное через воплощение.

На воплотительной (опредмечивающей) стадии УК включаются конституирующие значимость идей инстанции:

- форма знания – удостоверяет предметность – причастность *Status Rerum*;
- форма ценности – удостоверяет гуманитарность – причастность совершенному.

Обращаем внимание на примечательнейшее обстоятельство: созидание мира идет по создаваемым разумом (продуктивной способности воображения) абстрактным представлениям, по прошествии времени получающим вещное и антропное наполнение.

С позиций гносеологии идеи – предположения о действительном по понятию возможного, лишено чувственного созерцания, но содержательно ведущего нас далеко в пересоздании действительного. Ведущего через атрибуцию возможного опыта в совмещении регулятивного (следует добиваться) и конститутивного (как именно это делать).

Идеи выводят за пределы опыта через расширение опыта; в данной своей склоняющей к действию функции они – причины мира, нашей антропной его части, формирующейся как преодоление границы природно данного, за которой не пустота (как мнилось И. Канту), а культивация, выпуск креативных контр-рельефов.

Сила идей в двоякообразном порождении вещного: сначала – в проектировании, затем – в объективировании. Подоснова сопряжения двух процессов – единство продуктивного созидания по универсальным канонам. Конструктивное исполнение идей и в мысли, и в действии архитектурно унитарно – удовлетворяет законам красоты; мастерство, умение, знание дела – эпистема и техне как творения – организуются по согласованности, стройности, упорядоченности частей в целом. Как именно? Гармонически.

Неслучайно во всех разрядах человеческой деятельности – от *fiction* до *science fiction*, от *technica* до *technica societas* – утрируется соблюдение точности, краткости, откровенности, изящества, ясности, простоты. Истинное искусство – преодолевать искусность, что удается учреждением плодотворно красивого, соразмерного своей цели, а потому – предметно выверенного.

И. Кант отстаивал необходимость цензуры чистого разума в виде запрета на генерацию идей. Наш тезис – прямо противоположного свойства: цензура чистого разума реализуется не как отказ от производства сверхчувственных понятий, но как предписание проводить их критику в виде концептуального и гуманитарного обсчета.

Фиксирующий происходящее закон природы обеспечивает выживание человечества как животного рода по адаптации; однако этого совершенно недостаточно: человечество позиционирует себя как образование, преодолевающее животное состояние. Нададаптивная сущность сапиента проявляется в способности не приспособливаться к окружению, но приспособлять его к себе. Последнее взыскует переориентацию деятельности с закона природы на закон свободы: что должно происходить.

Так возникает эпоха природного Апостата с целеустановкой преодолеть сущее в устремлении на потребное значимое.

Наступление на *Naturwelt* идет по всему фронту с усиленного плацдарма *Sinnwelt – Wertswelt* путем применения штыкового удара творческого полагания. Царство природы с его законами не удовлетворяет потребностей *Homo*; род превозмогает его, формирует иноприродное царство культуры – собственного антропного существования.

Поскольку создателем такового являемся мы сами, отпадает необходимость в предположении, что «некое высшее мыслящее существо все устроило согласно премудрым целям» [Кант 2003: 430]. «Все» в мире культуры устраивает человек. Совершенство его действий возможно устанавливать:

– *ad extra* – подобно тому, как в мире природы удостоверяется преимущественность тех или иных эволюционных форм, прошедших испытание отбором; однако, как отмечалось выше, данный путь не может быть принят как неоптимальный;

– *ad intra* – планированием порождающего процесса ориентацией на достоверное и благоприятное, что в отсутствие шанса обозреть законченное произведение – по отчетливому понятию созидания его фрагментов – позволяет выносить обоснованное квалифицирующее суждение о характере деятельности согласно целям и идеям разума.

Литература

Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 2. / под ред. В. В. Соколова и др. М. : Мысль, 1969.

Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М. : Проспект, 2019.

Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 2003.

Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 6. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969.

Cassirer E. Was ist der Mensch? Stuttgart, 1960.